

Василий Потто

Том 1

От древнейших времен до Ермолова

Том 2

Ермоловское время

Том 3

Персидская война 1826—1828 гг.

Том 4

Турецкая война 1828—1829 гг.

Том 5

Время Паскевича, или Бунт Чечни

Василий Потто

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Том 3

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

1826—1828 гг.

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 63.3
П64

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Потто В.А.
П64 Кавказская война: В 5 томах. Т. 3: Персидская война.
1826—1828. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 527 с.

ISBN 978-5-521-73330-9 (Т. 3)
ISBN 978-5-9524-3151-5

Фундаментальный труд выдающегося военного историка, генерала русской армии В.А. Потто охватывает период Кавказской войны с начала XVI века по 1831 год.

Многие годы в разных местах автор собирал разрозненные документы и материалы с одной целью — извлечь из забвения драматические и героические события, которые, развиваясь и усиливаясь, определили совершенно особую роль Кавказской войны в нашей истории.

В 3-й том вошли события Персидской войны 1826—1828 годов.

ББК 63.3

ISBN 978-5-521-73330-9 (Т. 3)
ISBN 978-5-9524-3151-5

© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2007

I

ПРЕДВЕСТНИКИ ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ

В эпоху великих европейских войн, 12 октября 1813 года, Гюлистанский договор заключил собой десятилетнюю войну между Россией и Персией. Но следовавшие затем тринадцать лет мира были лишь продолжительным перемирием. Затишье, восстановившее внешние признаки дружбы между двумя державами, было обманчиво и служило только предвестником новых военных бурь. Тихо зрело глубоко зарытое семя вражды, ожидая удобных моментов для всхода, и в действиях персидского правительства, сквозь обычную лукавую азиатскую скрытность, то и дело прорывалось тайное недоброжелательство, напоминавшее начальникам Кавказского края о необходимой осторожности.

Гюлистанский мир, заключенный под громовым впечатлением побед Котляревского, отторгнувший от шахских владений богатые закавказские провинции, не мог не оскорбить слабую, но гордую Персию, несмотря на века несчастий, все еще связывавшую свою славу со славой Персидского царства эпохи калифов. Повелитель «средоточия вселенной», преемник грозного Шах-Аббаса и представитель новой династии, шах глубоко был затронут потерей ханств, после того как он мечтал уже отторгнуть от России свою древнюю данницу, Грузию; ниспровергнуты были честолюбивые замыслы любимого сына его, Аббас-Мирзы, желавшего ореолом побед обеспечить за собой наследие престола; роптали подкупленные англичанами сановники, обманутые в своих расчетах; негодовал народ, на который всей тяжестью легли военные неудачи. Весьма вероятно, персияне, несмотря на все невыгоды своего положения, не заключили бы столь тяжкого мира, если бы англичане, дрожавшие за свои торговые интересы, не уверили шаха, что возвращение уступленных провинций будет достигнуто легко дипломатическим путем при могущественном посредничестве Англии.

Но и Англия, добившаяся постыдного для Персии мира в исключительных заботах о развитии своей торговли в монархии шахов, довольна не была. Удачно вытеснив в 1811 году окрепшее было там влияние французов, англичане боялись, чтобы Россия не получила преобладающего значения в стране, столь близкой к Индии, и всеми силами противодействовали успехам русского оружия. Несмотря на дружеский союз с Россией против общего врага, Наполеона, Англия пошла так далеко в своей расчетливой политике, что затратила крупные суммы на формирование регулярной персидской армии, так быстро погибшей под ударами Котляревского, — а английские офицеры принимали и непосредственное участие в делах персиян против русских. Гюлистанский мир, разрушив все плоды этих усилий, нанес Англии суровое дипломатическое поражение и должен был вызвать с ее стороны новые козни против возмставшего влияния России.

Действительно, во все тринадцать лет мира Персия была ареной дипломатической борьбы между Россией и Англией за влияние. В Тегеран и Тавриз являлись английские посольства со сказочной пышностью и блеском, так много значащим в глазах азиатских народов. Раболепно подчиняясь унижительным требованиям персидского придворного этикета, англичане в то же время с такой безумной расточительностью сорили деньгами и дорогими подарками, что все, окружавшее шаха и Аббас-Мирзу, было закуплено и рвало обеими руками то, что можно было сорвать с англичан, отводя интересам государственным последнее место. Конечно, расчетливые англичане не на ветер пускали те баснословные суммы, которых им стоила Персия; эти суммы составляли лишь ничтожную часть барышей, которые приобретала Ост-Индская компания, сбывая персиянам свои товары, и особенно ром.

Бороться с Англией на этом поприще, уничтожить ее влияние — было для России не под силу уже потому, что «ни сей торговли, ни рассеваемых Англией денег мы ничем заменить не в состоянии», как справедливо замечает Ермолов в своих донесениях. Естественно, что в сферах, руководивших тогда судьбами персидской монархии, Россия, в противоположность Англии, друзей не имела; боялись ее грозных сил, помнили суровые уроки, данные ею при Мигри и Асландузе, но готовы были воспользоваться всяким случаем, чтобы нанести ей существенный вред. В основании всех отношений к ней Персии лежал исключительно страх перед ее могуществом.

Все политические обстоятельства складывались в высшей степени неблагоприятно для развития мирных чувств между двумя соседними монархиями. Подстрекаемая Англией, Персия путем бесконечных переговоров домогалась возвращения хотя бы части отторгнутых от

нее земель и ежеминутно создавала все новые и новые политические затруднения. Но все ее домогательства встречали суровый отпор, возбуждавший в государственных людях Персии затаенное озлобление, едва прикрываемое маской восточной вежливости и низкопоклонных фраз. Нет сомнения, что отношения Ермолова к персидскому двору также не способствовали упрочению приятных отношений. Непреклонная политика, выдвинутая им с первых дней его пребывания в Тегеране и со строгой последовательностью проводимая в Закавказском крае, сделала его личным врагом наследника персидского престола, в руках которого соединялись все нити русско-персидских сношений. В личности Аббас-Мирзы, по свидетельству Ермолова, лежала одна из главнейших причин тех политических затруднений, которые в будущем грозили неминуемой войной.

Дело в том, что года за четыре до поездки Ермолова в Персию Аббас-Мирза, второй, но любимый сын шаха, торжественно и всенародно объявлен был, по воле отца, наследником персидского престола. Таким образом, законный наследник, старший его брат, Мегмет-Али, человек с выдающимися способностями, весьма расположенный к России, должен был уступить ему место.

Официальным предлогом к этому нарушению священных прав первородства послужило, кажется, то, что Мегмет-Али был рожден христианкой, в то время как мать Аббас-Мирзы происходила из той же воинственной тюркской фамилии Каджаров, к которой принадлежал и царствовавший в Персии дом. Но этот предлог в глазах народа был не настолько важен, чтобы из-за него мог быть нарушен один из основных законов государства, — и положение Аббас-Мирзы было двусмысленно и шатко.

Мегмет-Али, как сторонник России, мог рассчитывать на ее поддержку; в самой Персии он имел свою значительную партию приверженцев и однажды, в присутствии шаха и придворных, громко сказал Аббас-Мирзе: «По повелению шаха я преклоняю голову свою перед тобой как перед наследником престола, но в свое время мечи наши решат, кому из нас владеть Персией».

Таким образом, нарушение прав первородства ничего не обещало стране, кроме потоков крови. И если самому шаху, по ироническому замечанию Ермолова, «достаточно было одной уверенности, что сего при жизни его не случится», то Аббас-Мирзе приходилось серьезно подумать о средствах удержать за собой незаконно захваченное наследие.

Первое, что представлялось ему на этом пути, было признание его наследником персидской монархии со стороны могущественного русского императора. Ермолов предвидел, однако, ту беспокойную и вредную для России роль, которая предстояла в будущем

Аббас-Мирзе, и не спешил утвердить столь большие права за несомненным и непримиримым врагом, в прямой ущерб другому, дружественному России принцу.

Несмотря на то что одним из пунктов Гюлистанского договора Россия обязалась признать наследником Персии того, кого назначит шах, Ермолов, в бытность свою полномочным послом в Тегеране, сумел ловко обойти вопрос и уклонился от официального шага в этом смысле; он даже не считал нужным скрывать своих настоящих чувств к Аббас-Мирзе — с тех пор заслужил его ненависть. Тогда Аббас-Мирза обратился окольными путями непосредственно к русскому Министерству иностранных дел и успел добиться своей цели благодаря именно тому, что взгляды Ермолова не разделялись министром.

Признание Аббас-Мирзы наследником персидского трона оказалось, как и предвидел Ермолов, весьма важной политической ошибкой, и отношения между Россией и Персией, вместо того чтобы выиграть, напротив, бесконечно проиграли от этого неосторожного шага. С того самого момента, как он был сделан, начинается новый ряд политических осложнений, который в конце концов неизбежно должен был повести к войне. Пока Аббас-Мирза не был признан русским двором, он имел лишь косвенное и незначительное влияние на политические дела, ограничивая их скромной ролью начальника смежных с Россией провинций; теперь с ним приходилось разговаривать как с наследником трона, и уже ни один хоть сколько-нибудь важный вопрос не мог пройти без его участия. И вот под его влиянием снова появляются на сцену притязания Персии на Карабаг и Талышинское ханство.

Аббас-Мирза мечтал заставить Ермолова согласиться на эти уступки угрозам. На самой границе Карабага он отвел владения беглому царевичу Александру, а земли, смежные с Талышинским ханством, дал в управление убийце князя Цицианова. Все, что бежало из русских пределов, находило у наследного принца почетный прием и безопасное убежище; он вел тайную переписку с закавказскими ханами, волновал татар, поддерживал деньгами смуты в Дагестане и, наконец, почти открыто договаривался с Турцией, предлагая ей заключить наступательный союз против России, могущество которой, по его мнению, угрожало всем магометанским государствам. К союзу этому Аббас-Мирза мечтал привлечь весь мусульманский мир и, льстя самолюбию султана, тайно давал ему понять, что тот, как глава союза, призван возратить своему трону утраченный блеск времен калифата.

Признанием Аббас-Мирзы не достигалась и та единственно уважительная цель, которую выставляла Персия перед русским прави-

тельством, — избавление страны от внутренних потрясений. Правда, Аббас-Мирза уже не мог опасаться происков старшего брата, к тому же скоро умершего, и партия приверженцев последнего должна была сойти со сцены, зная решительную волю русского царя; но именно то, что, казалось, должно бы дать Персии спокойствие, и послужило для нее источником бедствий. Уже не связанный соперничеством, Аббас-Мирза вовлек ее на скользкий путь политики приключений.

Нельзя, впрочем, не сказать, что его более или менее вынуждали к этой политике и самые обстоятельства. Династия Каджаров, в лице свирепого Ага-Мохаммед-хана овладевшая персидским престолом путем кровавых смут и цареубийства, не имела на своей стороне даже выгоды долговременного обладания властью, что на Востоке нередко заменяет законное право. И Аббас-Мирза, принадлежавший к этой династии, да к тому же и сам незаконно овладевший правами старшего брата, и в личных, и в династических интересах должен был искать блеска военной славы и победных триумфов, чтобы, по крайней мере, оправдать в глазах народа свое избрание в наследники трона. К этому направлены были все его действия, и он не переставал питать надежду отторгнуть от России покоренные ею области — славнейшее дело, которое могло ему предстоять. Но на этом пути перед ним не было даже выбора: только одни англичане могли снабжать его деньгами и для рассеяния смут в русских пределах, и для заведения регулярных войск, на которые он смотрел как на будущий оплот своего могущества. И он по необходимости становился орудием в руках англичан.

В то время как на сцене политической жизни Закавказья и Персии появился Ермолов, Персия, на четвертом году Гюлистанского мира, конечно, не могла и думать снова воевать с Россией. Но политика, направленная к приобретению военной славы наследнику трона, повела за собой сначала другие, меньшие войны. В 1818 году Персия воевала с афганцами, и шах, как бы напоминая Ермолову о своем могуществе, прислал ему следующее восточно-гиперболическое и цветистое извещение об одержанных им успехах.

«Победоносным войскам нашим, — писал шах, — всегда покровительствуют конные полки небесных сил, а потому действия неприятелей на ратном поле имеют против нас такую же силу, как звезды небесные против восходящего солнца... Пламенный меч наш, устремленный к поражению неприятеля, — есть молния, все сожигающая. И звезды светом победы освещают изображенную на счастливых знаменах наших луну».

Описывая самую битву, шах говорит:

«От пыли несущейся никем не победимой конницы нашей место сражения померкло так, что если бы открытый сарбазами огонь не освещал его, то стрелы, лишаящие жизни, не находили бы пути пронзять сердца неприятельские. Пять часов длился бой, и воюющие не различали белого и черного. Наконец, на закате солнца, от огня пушек, сокрушающих Кавказские горы, разрушилось и основание неприятельских войск. Вдруг знаменитый наш сын, Али-Мирза-хан, хорасанский валий, со своими богатырями, наподобие волн морских, напал на неприятеля, и щедрой милостью Бога и нашим счастьем зефир победы развеял кисти у знамени победоносного сына нашего; несчастное же знамя неприятеля — низверглось. При сем нападении победоносный сын наш лично устремился на Ширдаль-хана [брата афганского владетеля] и мечом, сверкающим как молния, нанес удар ему в голову и разрубил его до самой груди, отчего тот упал с лошади, в пример прочим зрителям...»

Нужно думать, однако, что в действительности победа персиян не была так блистательна; по крайней мере, Ермолов, конечно не без основания, писал министру иностранных дел графу Нессельроде следующее:

«Хорасанцы вместе с афганцами разбили персидские войска, и урон ужаснейший. Начальствующий оными откупил свою голову большой суммой денег, и шах, хотя предложил ему командование войсками, но, собрав большие силы, сам пошел на неприятеля. Жители Тегерана полагают, однако же, что он далеко не пойдет, опасаясь, дабы малейшая неудача под его собственным предводительством не произвела худое в народе впечатление. Невзирая, однако же, на неудачу, разглашаются ложные о победах известия и отправляются торжества. Таким образом уведомляет меня Аббас-Мирза о победе над курд-балдасами, когда имею я известия, что войска его понесли значащий урон».

Так или иначе, но столкновения с афганцами значительно подняли дух персиян, и в 1821 году они начинают войну уже с Турцией.

С давних пор между двумя соседними мусульманскими державами были серьезные поводы к неудовольствиям, обостренные враждой пограничных начальников. Границы были ареной обоюдных набегов, разбоев и возмутительных насилий. Ермолов отмечает, что причиной вражды были, между прочим, притеснения, делаемые в турецких пределах персидским торговцам, и обиды, причиняемые ездящим на богомолье в Калбалай. Все внимание Порты было отвлечено в то время греческой войной за независимость, и многочисленные войска ее из Анатолии были выведены. Аббас-Мирза, уверенный, что Россия вступится за греков и обя-